

Справа налево - Павел Зельдович, Александр Леонов и Дарья Заливако на церемонии награждения лауреатов конкурса «Urban technologies for urban sustainability».

Этим летом в отечественной архитектуре произошло знаменательное, на мой взгляд, событие - впервые со времен перестройки молодые российские архитекторы удостоились сразу двух высших наград в престижном международном конкурсе идей - студенческом конкурсе Международной Федерации жилищного строительства и градостроительства (IFHP) на застройку летного поля аэропорта Темпельхоф в Берлине. Этот конкурс был приурочен к 53-му всемирному конгрессу IFHP и является четырнадцатым по счету в серии конкурсов, периодически проводимых в рамках этих конгрессов.

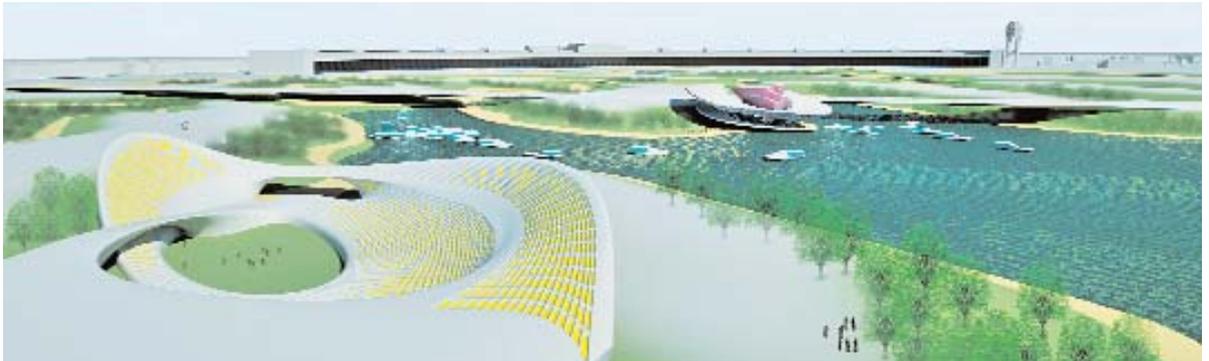
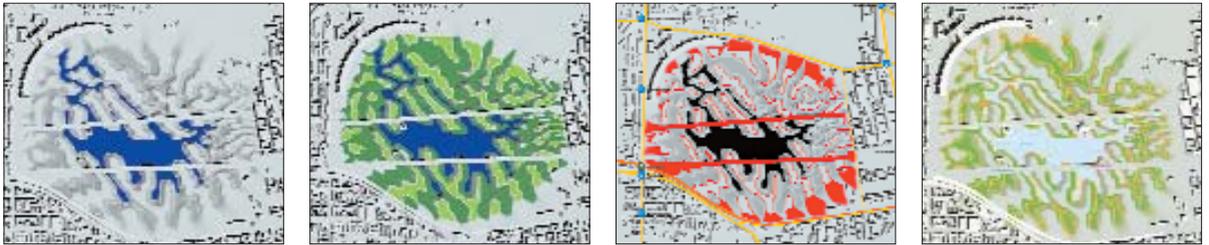
SUSTAINABILITY ПО-РУССКИ

По иронии судьбы одним из лауреатов первой премии стал Павел Зельдович (проект для конкурса выполнялся им в соавторстве с немцем Ули Шиффердекером), студент МАрХИ, а с 2008 года еще и студент венского Института Прикладного Искусства, чей дядя Алексей Гинзбург, насколько мне известно, был последним из наших архитекторов, кто удостоивался первой премии в международном концептуальном конкурсе - я имею в виду конкурс на тему «Станция мира», проводившийся Товариществом памяти Вильяма ван Аллена и Национальным институтом архитектурного образования США в 1989-1990 годах. Лауреатами второй премии немецкого конкурса стали студенты Московского Архитектурного Института Александр Леонов и Дарья Заливако. Впрочем, Д.Заливако уже не студентка - в июне этого года она защитила диплом. Свой дипломный проект, в работе над которым ей активно помогал А.Леонов, она и подала на конкурс IFHP. Третьей премии удостоились двое берлинцев - Феликс Хайзель и Ионас Клок - за проект под кодовым названием EDDI. Всего для участия в конкурсе членами жюри (Фрэнк Барков, Габриэль Кифер,

Эндрю Киль, Йоахим Шульц, Ирене Визе фон Офен) было отобрано 22 проекта - из них целых шесть проектов из России, причем все поступили на конкурс из разных городов: Владикавказа, Кольчугино, Москвы, Санкт-Петербурга, Челябинска и Ярославля. П.Зельдович с У.Шиффердекером представляли на этом конкурсе венский Институт Прикладного Искусства, а конкретно - группу Захи Хадид, Патрика Шумахера и Али Рахима, в которой оба учатся. Прежде чем вдаваться в анализ результатов конкурса, мне бы хотелось вкратце описать проекты лауреатов. Тема конкурса IFHP звучала как «Urban technologies for urban sustainability», что дословно переводится как «Городские технологии для устойчивого развития города». Условия конкурса не отличались большой конкретикой в плане постановки основных задач, хотя отдельные формулировки, содержащиеся в тексте этих условий, могли навести на мысль, что речь идет о проектировании нового жилого района на месте летного поля Темпельхофа. Вариант, предусматривающий проектирование на территории летного поля нового жилого района, П.Зельдович и У.Шиффердекер отметили практически сразу - в первую очередь из-за солидар-

ности с теми, кто протестует против застройки данного участка и ратует за сохранение целостности архитектурного ансамбля бывшего аэропорта (такие есть и их немало). Вместо этого они предложили отвести территорию летного поля, площадь которого составляет порядка 360 гектаров, под парковую зону. В центральной части парка они придумали вырыть огромное озеро (сами авторы называют этот водный массив не озером, а сетью каналов), которое, согласно их замыслу, питалось бы водой из расположенных вблизи Темпельхофа каналов и водоемов. Таким образом, две взлетно-посадочные полосы, пересекающие летное поле в западно-восточном направлении, превратились в них в пешеходные мосты невероятной длины, соединяющие район Темпельхоф с районом Нойкельн. Вокруг озера они решили создать искусственный рельеф - судя по всему, это сделано для того, чтобы прогуливающимся по парку людям казалось, будто это озеро всегда здесь было, что оно является «естественной» составляющей паркового ландшафта. Причем этот рельеф не заслоняет массив бывшего аэропорта, имеющего статус памятника архитектуры, так как представляет собой не череду насыпных холмов, а цепь оврагов, то есть

верхние точки этого рельефа расположены ниже высотной отметки первого этажа Темпельхофа. На участках, с одной стороны примыкающих к береговой линии озера, а с другой - к «взлетно-посадочным мостам», П.Зельдович и У.Шиффердекер запроектировали четыре здания различного функционального назначения - музей, два культурных центра и музыкальный стадион. Биоморфная по характеру архитектура этих зданий, чего таить, далека от моих представлений о прекрасном, зато она, полагаю, должна в полной мере соответствовать представлениям о прекрасном именно той преподавательницы Павла и Ули, равно как и других поборников дигитального стиля в архитектуре. В целом проект «австрийского» тандема по задумке чем-то напоминает проект парка Ла Виллет Бернара Чуми - и тут и там мы имеем дело с сооружениями обществено-культурного и развлекательного назначения, интегрированными в парковую среду. Правда, в отличие от парка Ла Виллет, генплан которого хоть и деконструктивистский, но при этом предельно ясный по своей структуре - на схематическом уровне, как мы помним, он представляет собой прямоугольную сетку, «узловыми точками» которой являются знаменитые красные

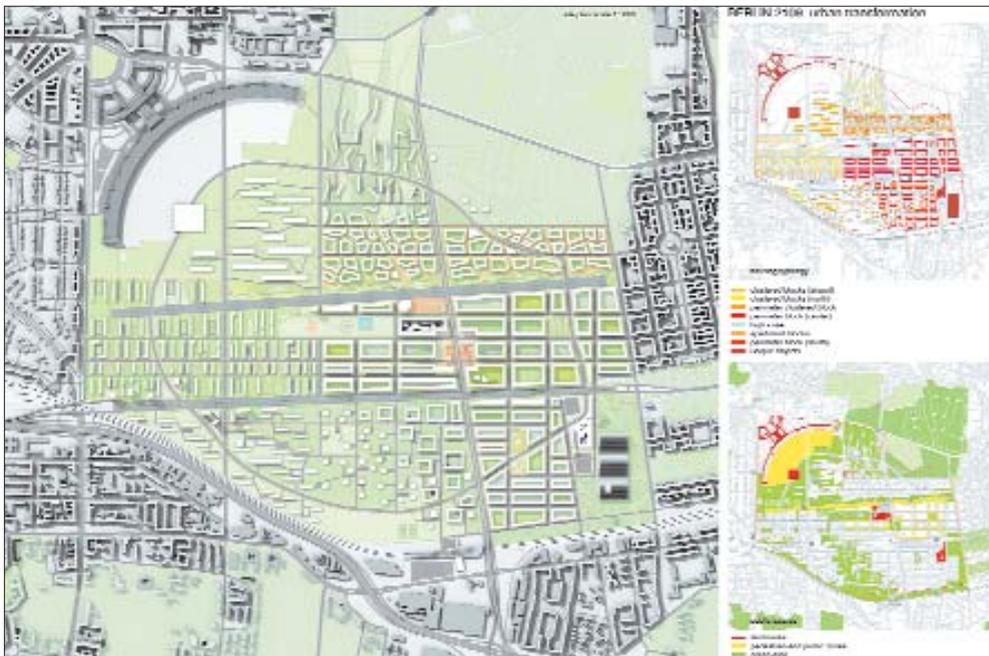
Проект Павла Зельдовича и Ули Шиффердекера «Tempelgarden», 1 премия.

павильоны, наложенную на хаотичный рисунок прогулочных зон и каналов – парк П.Зельдовича и У.Шиффердекера не имеет как таковой инфраструктуры и, таким образом, представляет собой своего рода апофеоз градостроительного беспорядка. Можно сказать, что тут они в каком-то смысле пошли дальше самых радикальных деконструктивистов. Однако отсутствие в спроектированном Павлом и Ули генплане какой-либо системности не воспринимается мной как упущение со стороны авторов: думаю, расчерти они всю территорию летного поля на круги и многоугольники, их парк не являл бы собой столь удачную имитацию природного ландшафта, а ведь, насколько я понимаю, именно в создании такого рода имитации и состояла их основная цель. Проект А.Леонова и Д.Заливако «Берлин 2109». Урбанистическая трансформация» в корне отличается от градостроительной концепции, разработанной П.Зельдовичем и У.Шиффердекером: если студенты из Вены оставили в своем проекте летное поле относительно нетронутым, продемонстрировав тем самым, что им небезразлично мнение тех берлинцев, которые осуждают идею крупномасштабных строек на территории бывшего аэропорта, то студенты из Москвы не были столь дели-

катны и предложили отдать большую часть территории Темпельхофа под строительство жилых домов. Общего у проектов «Tempelgarden» (так называется проект русско-немецкой команды) и «Берлин 2109» только одно – в обоих сохранены старые взлетно-посадочные полосы: у студентов З.Хадид они, как мы помним, превращены в мосты, а у студентов МАрХИ одна полоса выполняет функцию прогулочной зоны, вторая же – функцию транспортной магистрали местного значения, связывающей улицу Темпельхофер Дамм, огибающую участок летного поля на юго-западе, с улицей Херманн, пролегающей в полукилометре к востоку от границы территории Темпельхофа. Вообще и в проекте венских студентов, и в проекте маркшишников взлетно-посадочные полосы – основные структурообразующие элементы генплана: в случае с «Tempelgarden» они визуально стягивают поистине необъятное пространство парка (его общая площадь равна площади Центрального парка в Нью-Йорке), определяют местоположение общественных сооружений, задают вектор движения пешеходов по территории летного поля, в случае с «Берлином 2109» градобразующая роль этих полос еще более существенна – между ними формируются основная застройка, они являются,

как уже было сказано выше, важнейшими составляющими транспортно-пешеходной сети нового района. Правда, главной транспортной артерией спроектированного А.Леоновым и Д.Заливако района служит все-таки не взлетно-посадочная полоса, превращенная в проезжую часть, а магистраль городского значения, которую авторы расположили перпендикулярно к взлетно-посадочным полосам и которая связывает район Кройцберг на севере с районом Мариендорф на юге. Вдоль этой магистрали Александр и Дарья придумали протянуть новую ветку метро, которая обеспечивала бы прямой доступ к аэропорту ВВЛ со станции Хауптбанхоф. Следует отметить, что всего на конкурс поступило от силы три-четыре проекта, в которых территория летного поля Темпельхофа частично или целиком отводится под застройку. Основная масса конкурсантов «политкорректно» предложила разбить на этом месте парк. В этом плане проект П.Зельдовича и У.Шиффердекера несколько уступает в оригинальности проекту московского дуэта, пускай «Tempelgarden» и является, в моем представлении, лучшим из поданных на конкурс ландшафтно-градостроительных проектов – он придуман просто и остроумно, в то время как остальные излишне вычурны и надуманы.

Справедливости ради скажу, что идея создания парка на территории Темпельхофа актуальна не только потому, что учитывает требования немецких борцов за сохранение наследия: во-первых, парковых зон в Берлине не так уж много, во-вторых, в Берлине имеется около 100 тысяч квартир, пустующих еще с начала 2000-х годов (в качестве главных причин, по которым такое количество жилых площадей до сих пор остается невостребованным, эксперты указывают отток населения из немецкой столицы и снижение рождаемости в Германии), поэтому на сегодняшний день нет особого резона увеличивать жилищный фонд Берлина. Вот все конкурсанты и спроектировали парки – подобное решение в данной ситуации было самым логичным. Однако А.Леонов и Д.Заливако в своем проекте очень ловко обошли все подводные камни, как-то: общественное мнение, нехватка зеленых зон и переизбыток жилья в Берлине. Огромную веерообразную площадку перед ангаром бывшего аэропорта они решили не трогать и сделали из нее площадку, чтобы фасад Темпельхофа ничто не загромождало. Северную часть летного поля, граничащую с природным парком Хазенхайде, они практически целиком отдали под зеленую зону, добившись, таким образом, плав-

Проект Александра Леонова и Дарьи Заливако «Berlin 2109. Urban transformation», 2 премия.

ного перетекания искусственной среды нового района в естественную среду существующего парка. И, наконец, саму работу в целом они позиционировали не как цельный градостроительный проект, рассчитанный на реализацию в короткие сроки, а как комплексную программу по развитию территории Темпельхофа, предусматривающую постепенную, фрагментарную застройку летнего поля в течение ста лет – эта концепция отражена и в названии проекта «Berlin 2109». Иными словами, сто лет не десять – за такой срок население Германии вполне может увеличиться, и, как следствие, спрос на жилье в ее наиболее крупных городах резко возрастет. Что касается проекта EDDI немецкой команды, удостоенного третьей премии в конкурсе IFHP – это своего рода эксперимент на тему «архитектура и экология». Летное поле берлинские архитекторы предложили обнести «крепостной стеной» из разновысотных сооружений, в плане имеющей форму овала. В пределах этого овала они также предложили разбить парк. Но парк этот не совсем обычный – он частично засажен деревьями, частично застроен башнями с солнечными батареями в качестве завершений.

Фантазия берлинцев крайне романтична и живописна. Помимо всего прочего, она, как мне кажется, прекрасно подана. Однако смущает спекулятивный характер их работы: сделать для немецкого конкурса проект, чья тематика апеллирует к таким проблемам, как экология и энергосбережение – это все равно что, к примеру, в рамках курсового задания МАрХИ на тему «музей» спроектировать музей сталинских репрессий – ни тот, ни другой проект невозможно не оценить положительно, какими бы глупыми и непродуманными они оба ни были. Я вовсе не утверждаю, что проект Феликса Хаизеля и Йонаса Клока глупый и непродуманный, но в нем явственно ощущается какая-то недоделанность. EDDI так или иначе был обречен получить в этом конкурсе одну из премий. Убежден в том, что и немцы прекрасно понимали: выбранная ими тема заведомо выигрышная. В рамках этой темы они могли позволить себе любое безумство. Безумство и получилось, красивое и очень прогрессивное. Вкратце опишу содержание комментариев членов жюри к премированным проектам. О проекте П.Зельдовича и У.Шиффердекера они написали следующее: «С одной стороны, авторам удалось ланд-

шафтными средствами сохранить пространство летного поля Темпельхофа. С другой стороны, они создали в Берлине уникальное место, которое в будущем можно будет осваивать в целях создания новых градостроительных единиц». Проект А.Леонова и Д.Заливако подкупил членов жюри своей проработанностью и грамотностью, однако у них возникло сомнение относительно того, «сохранится ли в будущем та особая атмосфера летного поля Темпельхофа с учетом предложенной авторами массы застройки». Наконец, проект немцев они охарактеризовали как интересный, но не очень рентабельный. Мне однажды довелось побывать в районе Темпельхоф. Так вот, ничего унылее летного поля Темпельхофа я в своей жизни не видел – это большой грязный пустырь, только и всего. От содержания самого здания аэропорта со стороны летного поля веселее не делается – юго-восточный фасад Темпельхофа монотонный и мрачный, его бы как раз, по моему, очень неплохо было чем-нибудь заслонить. О какой «особой атмосфере» здесь может идти речь? В общем, я это к тому, что мне не совсем понятны переживания членов жюри за сохранность летного поля.

Проект студентов МАрХИ, на мой взгляд, самый удачный из общего числа конкурсных проектов. Думаю, не случайно «Berlin 2109» – единственный проект, который был единогласно утвержден членами жюри для дальнейшего участия в конкурсе во втором голосовании. Просто под конец члены жюри, видимо, испугались давать первую премию проекту, в котором предлагается все застроить – их слишком многие не поняли бы. В итоге высшую награду присудили самому уместному проекту – русско-немецкому, а проект А.Леонова и Д.Заливако отодвинули на второе место. Хотя на самом деле лично мне все равно, кому и почему присудили в этом конкурсе первую, а кому вторую премию, потому что и ту и другую премию присудили нашим архитекторам. Я считаю, что победа Павла Зельдовича, Александра Леонова и Дарьи Заливако может стать для остальных начинающих русских архитекторов хорошим стимулом к участию в международных концептуальных конкурсах. В наше кризисное, полное неопределенности время «бумажная архитектура» снова становится как никогда актуальна.

Анатолий Белов

Бизнес-центр «Пять морей» в Ростове-на-Дону (в процессе реализации).
Архит. С.Чобан, РЧ – С.Алексеев.

На комбинате крупнопанельного домостроения (ККПД) в Ростове-на-Дону.

Лекция главного архитектора Ростова-на-Дону А.Полянского.

В мастерской Г.Гулянца.

Гость Дней архитектуры, директор бюро PANACOM Н.Токарев, Москва.

ДНИ АРХИТЕКТУРЫ – ЭКСПАНСИЯ НА ЮГ

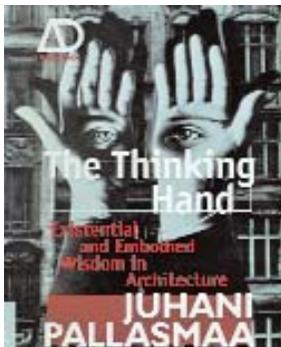
В Ростове-на-Дону прошли первые Дни архитектуры. Организаторами стали ростовское объединение Лекториум и московское агентство P-Arch при поддержке компании Интеко. Ростовский фестиваль стал продолжением ставших уже традиционными Дней архитектуры в Москве, но не их клоном. Он приобрел здесь самостоятельное звучание благодаря местным организаторам и местной специфике. Для города-миллионника, где нет определенной архитектурной политики и главенствующей архитектурной стилистики, было решено не останавливаться на какой-то одной теме мероприятий. В рамках Дней были опробованы самые разные форматы и темы - от лекций и велопробулок до посещения строящихся объектов и визитов в мастерские. Открылись Дни архитектуры экскурсией в бизнес-центр «Пять морей». Проект важный для города не только из-за своего расположения на главной южной магистрали, но и потому, что концепцию здания выполнил Сергей Чобан, а рабочей документацией занимается Сергей Алексеев, архитектор, очень

тонко чувствующий специфику южного города. Поэтому здание претендует на нечто большее, чем рядовой бизнес-центр, он должен стать одной из ключевых архитектурных точек города. Важное место в рамках фестиваля было уделено лекциям и дискуссиям. Одна из них – встреча под названием «Архитектура здесь!» - была посвящена обсуждению форматов Дней архитектуры в разных городах. В ней приняли участие как ростовчане, безразличные к судьбе города, так и гости из других городов – Александр Змеул из Агентства P-Arch, проводящего «Дни архитектуры Москве», и Марина Игнатушко, куратор фестиваля «Международный День архитектуры в Нижнем Новгороде». Дискуссионная программа была продолжена в рамках лекции «3 лектора, 3 темы, 9 выступлений», на которой молодые специалисты Андрей Вырва, Андрей Герцен и Даниил Алексеев поднимали важные для города и общества темы - от самостроя до прокладки пешеходных дорожек и культуры организации времени. Выступали на фестивале также и мэтры. Главный архитектор Ростова-на-Дону Алексей Полянский рассказал о генплане и транспортных проблемах и перспективах «Большого Ростова», а также

затронул тему «архитектура без архитектора», которая была поднята молодыми энтузиастами. А посетивший фестиваль Никита Токарев из московского бюро PANACOM рассказал о своем опыте архитектурного проектирования, предметном дизайне и преподавании в МАрХИ. Знакомство с архитектурной профессией участники продолжили визитом к Гайку Гулянцу, автору нескольких десятков проектов в Ростове, руководителю мастерской. Общение с архитектурой носило не только теоретический, но и практический характер. Одним из ключевых мероприятий фестиваля стала экскурсия «Как создается город?», организованная совместно с компанией «Патриот», дочерней структурой ЗАО «Интеко». Она включала посещение «Комбината крупнопанельного домостроения» (ККПД), который после реконструкции, проведенной компанией «Интеко», стал, с их слов, самым высокотехнологичным и передовым во всей Восточной Европе, и квартала «Западные ворота», строящегося из произведенных на комбинате панелей. Посетители экскурсии смогли ознакомиться с различными этапами создания дома и смогли оценить, как с использованием новых-старых технологий

реализуется масштабный проект. Большое внимание было уделено не только современной, но и исторической архитектуре. В Ростове-на-Дону, как и во многих других российских городах, важный пласт советской архитектуры - как до-, так и послевоенной - незаслуженно находится на периферии общественного внимания. Задачей экскурсии «Семантика Театральной площади» и велопробулки «Архитектура Ростова-на-Дону советского периода» было привлечь внимание общественности к этой теме. Участники осмотрели городской театр, построенный по проекту В.Шуко и В.Гельфрейха и испорченный неудачной реконструкцией, и посетили несколько объектов эпохи конструктивизма. Фестиваль вызвал большой интерес горожан, тем более что все мероприятия были бесплатными и привлекли участников не только из Ростова, но и из соседних городов. В ходе его проведения возникла идея провести подобные мероприятия и в Краснодаре, где сегодня также реализуется несколько крупных проектов и ведется активное городское строительство.

Наталья Алексеева
Материалы предоставлены агентством P-Arch

МЫСЛЯЩАЯ РУКА

Книга «Мыслящая рука» издана в Англии в 2009 г. Она написана известным финским архитектором Юхани Палласмаа и является плодом его многолетних исследований и личных наблюдений.

Книга состоит из восьми глав, включающих каждая несколько эссе, написанных живо и интересно. Слово «рука» определяет интригующее заглавие этих глав и эссе: «Таинственная рука», «Рисующая рука», «Рука ремесленника», «Компьютеризованная рука», «Рука как символ», «Язык руки», «Рука и инструмент», «Рука, глаз, мозг и язык» и т.п. Каждая глава завершается развернутыми ссылками на источники, включающие обширный исторический и интеллектуальный материал.

В предисловии сам автор определяет целевую установку этой книги, предлагая рассматривать и обсуждать сущность человеческой руки и ее неотъемлемую роль в эволюции человеческих способностей делать и мыслить. Привлекая к своему труду многих исследователей, он предполагает убедить читателя в том, что рука не только послушный и пассивный исполнитель указаний мозга, но и носитель своей собственной, независимой творческой силы, своих навыков, своего умения и мысли. Рука, по его мнению, это уникальный инструмент воплощения творческих устремлений человека, незаменимый ничем.

Приводя многочисленные примеры деятельности живописцев, скульпторов, литераторов, Ю.Палласмаа фокусирует свое внимание на архитектуре, ссылаясь на свой личный опыт общения как с теми, так и с другими, и на большую

преподавательскую практику, подкашавшую ему немало.

Название книги «Мыслящая рука» - безусловно, метафора, усиливающая значимость роли руки, руки архитектора, образующей мост между двумя реальностями, между замыслом и тем, что появляется на бумаге. Утверждая значимость руки, автор призывает заново открыть ее уникальную, синтетическую способность соединять физические и духовные стороны человеческого бытия. Он обращается к опыту различных художников, включая и таких великих соотечественников, как Тапио Вирккала и Алвар Аалто. Первый из них часто указывал на то, что исполненное руками всегда имело для него принципиальное значение. «Работа руками, - говорил Вирккала, - перевела меня в другой мир, в котором кончики моих пальцев видели движение и геометрию форм с особой отчетливостью». Не зря же Т.Вирккала часто употреблял выражение - «дизайнер должен иметь глаза на кончиках пальцев».

Другой финский гений - А.Аалто - прекрасно понимал, что кирпичная кладка, которую он использовал в своих постройках - в частности, в муниципалитете Сяунтаасало или университете в Ювяскюле - проявляет свою особую силу и выразительность благодаря ручной работе, при которой возникает живая вибрация поверхности, ее неповторимое «дыхание».

В результате Ю.Палласмаа делает вывод, что все художники, с которыми ему пришлось общаться в течение последних четырех десятилетий, постоянно подтверждали то, что главным орудием познания сути вещей являлась рука, чувственные ощущения которой позволяли всегда определить их параметры и форму. Художники опирались «на молчаливую мудрость своего тела и руки». И в конце концов он приходит к тому, что любая художественная форма есть продукт совместного деяния руки, глаза, головы и сердца, их органичного единства. Эта идея общности пронизывает всю книгу.

Мы предлагаем перевод одного из принципиально важных текстов Ю.Палласмаа, названного «Компьютеризованная рука». Он выполнен с некоторыми сокращениями.

Юхани Палласмаа Компьютеризованная рука

Я не собираюсь поддерживать точку зрения, отрицающую пользу компьютера. В очень короткое время компьютерная технология изменила многочисленные стороны исследовательской деятельности, производства и повседневной жизни. Она кардинально изменила архитектурную деятельность. Одновременно, признавая множество компьютерных и связанных с ним технологий, мы осознаем необходимость соединения их с предшествующими проектными инструментами. Теперь нам надо понять те проблемы, которые могут возникнуть при этих условиях в интеллектуальных и чувственных сферах работы архитектора.

Компьютер, без сомнения, ускоряет многие этапы архитектурного производства, обеспечивая точность и быстроту проектирования. Он хорош в процессе анализа, тестирования и фототипий, подготавливаемых к строительству рабочих чертежей. Более того, компьютер употребляем и при непосредственной генерации художественных, архитектурных и градостроительных форм. Проблемы полностью компьютерного дизайна, очевидно, находятся в наиболее уязвимой, ранней стадии дизайнерского процесса, когда архитектурный замысел только начинает формироваться.

Рука с помощью угля, карандаша или пера создает непосредственную связь между объектом и замыслом архитектора: рукотворные наброски, рисунки или физические модели изготавливаются в материальной плоти, адекватной замыслу архитектора, который воплощает его при строительстве. Компьютерные же операции и изображения генерируются в математизированной, абстрактной, нематериальной среде.

Компьютерные образы, на мой взгляд, отличаются тревожно фальшивой точностью и аккуратностью в сравнении с естественной неопределенностью и небрежностью рукотворных рисунков, которые путем проб и ошибок подводят архитектора к окончательному результату. Это естественный путь, подлинное существо всех творческих поисков. Интересно, к примеру,

предположение о том, что древнереческая геометрия теряет свой творческий импульс в эллинистический период, потому, что слишком аккуратно и педантично визуализирована. Она произведена поколениями «умных компьютеров и геометров», но не истинных, подлинных, реальных геометров. Развитие теории геометрии замерло, остановилось в то время.

Счастливейшим моментом любого творчества является исчезновение сознательного контроля, когда естественно сталкиваются два конструктивных начала, идущих от сознательного интеллекта и бессознательной интуиции. Возникает вопрос: способна ли компьютеризованная рука к такому «счастливому моменту», когда сознательный контроль исчезает? Позволяет ли она достичь многосенсорной образности и воплощаемой идентификации?

Компьютер часто рассматривается как инициатор высвобождения человеческой фантазии. Однако в действительности он стремится выровнять и ограничить нашу многосенсорную способность к воображению, превратить проектный процесс в пассивную визуальную манипуляцию, обычный просмотр.

Компьютер создает разрыв между творцом и объектом, в то время как рукотворный рисунок или модель здания осуществляет важный контакт с объектом или пространством. Мы «трогаем» проектируемый объект, представляя его изнутри и снаружи.

При работе рукой, рисуя карандашом или пером, мы следуем контурам, поверхностям и образам объекта. Когда же мы рисуем мышью (компьютерно), рука подбирает линии и очертания, которые не аналогичны натуральным абрисам объектов - они лишь символизируют их. Рукотворный рисунок есть мимический «слепок» линии или тона, в то время как компьютерный - лишь посредник, лишь промежуточный элемент.

Далее следует сказать о соотношении между целым и частями, о том, что формирует диалектический континуум в процессе рисования рукой и изготовления моделей. Компьютерный процесс при кажущейся

**АРХИТЕКТУРНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ –
В ОЖИДАНИИ
«ОРАНЖЕВОЙ
РЕВОЛЮЦИИ»?**
Интервью
с проректором МАрХИ
М.В.Шубенковым

– На конец 1980-х – 1990-е гг. происходит процесс институционализации вузов архитектурного профиля, когда многие факультеты при ИСИ и Политехах перерастали в самостоятельные архитектурные институты. В 2000-е гг. наметилась контртенденция. Какова природа такого отката?

М.Шубенков. И в первом, и во втором случаях – это все программы, инициированные сверху, из Министерства образования. Можно только догадываться о причинах и мотивах: смена министров и министерских оргструктур, политических и экономических установок, дележ между федеральным и субъектным, а затем и частным секторами образования и мн. др. Для сферы архитектуры и строительства появление специализированных вузов было благом, поскольку профессиональная самоидентификация способствует созданию наиболее благоприятной образовательной среды. Примерами служат наиболее успешные архитектурные школы и в России, и за рубежом. В 90-е годы в России действительно появилось много новых архитектурных школ, возникших на основе и в составе строительных и политехнических университетов. Если бы этот процесс проходил на стабильном и сбалансированном экономическом фоне, то это был бы оптимальный ре-

жим развития профессионального архитектурного образования. Однако, несмотря на рост социального спроса на профессию, сами вузы, даже возникнув, не развивались, поскольку концепция образования сохранялась наследная – социалистическая, а государство уже было не способно экономически полноценно поддерживать дотационную по сути систему, и в результате вузы занялись самовывживанием. Профессия преподавателя стала одной из самых нищенских, молодые перестали ей интересоваться. Все это постепенно сказывалось на качестве образования.

Старого не вернешь – это было ясно всем. Государством был сделан очень важный шаг в сторону интеграции российской системы образования в европейскую. Этапным стал 2003 год – президент подписал Болонскую конвенцию. С этого момента началась открытая ломка всего старого без предложения на замену нового. Теперь государство пытается ввести механизмы стимулирования деятельности вузов, традиционные для Запада: соревновательные программы и конкурсные гранты, системы менеджмента качества образовательной деятельности и т.п. А вузы привыкли по старому регулярно получать бюджетные деньги и отчитываться выпускаемыми специалистами. К новым же правилам надо еще привыкать.

Второй этап, о котором вы говорите, связан с поиском вузами путей выживания. Один из них: большой государственный грант может получить только большой вуз. Следовательно, надо объединиться в нечто значительное (федеральный университет, национальный исследовательский университет) и получить искомое. Не которым это удалось. Началась охота на слабых и маленьких, их поглощение и растворение в больших и сильных. В волнах этих процессов исчез Ростовский государственный архитектурный институт, войдя в состав Южного ФУ, исчезла Красноярская государственная архитектурно-строительная академия, став Институтом градостроительства, управления и экономики в составе Сибирского ФУ.

– Имеет ли данный тренд аналог в других странах, в частности, европейских, также подписавших

Болонскую конвенцию?

М.Ш. Конечно, имеет. То, что происходит у нас, обусловлено прежде всего экономическими причинами, а они – на Западе – уже давно живут в условиях чуткой реакции на экономические процессы. Мне случилось изучать опыт архитектурных школ Лондона и Оксфорда. Рассказывая о своей истории, они обязательно упоминают об экономических программах того или иного периода: в этот момент нам снизили налог и мы отделились и развились, а в этот момент собственность университета обложили налогом, и мы вынуждены были сократиться, объединиться, а затем был новый цикл... Но у них все несколько по-иному. На Западе практически все университеты – самостоятельные собственники. Они ведут политику взаимодействия с государством. В России все значимые вузы – государственные, они исполняют поручения государства. Нет никакой политики, есть условия выживания каждого в конкретный момент.

– В России если маятник меняет направление движения, то это чередо очередным шарканием в крайности. В данном случае тенденция к укрупнению может поглотить не только вновь образованные архитектурные вузы – типа Ростовского или Красноярского, но и имеющие долгую историю и давние традиции. Над МАрХИ тоже нависла угроза? К чему может привести такое растворение в мегаоргструктурах – помимо очевидной утраты статуса и самостоятельности?

М.Ш. МАрХИ – государственный вуз федерального подчинения. Он ведет свою 250-летнюю историю с зарождения первых московских архитектурных школ и существовал в самых разных формах – был и школой, и училищем, и художественными мастерскими, и строительным институтом, но всегда выполнял главную социальную задачу – готовил специалистов-архитекторов, востребованных обществом. Наша история привязана к зданию. В нем живет душа МАрХИ. Красивое здание многих привлекает. Со всех сторон нас окружили банки. До 70-х гг. весь комплекс зданий МАрХИ по улице Рождественка принадлежал

институту и был на его балансе. Но, к несчастью, здания оказались памятником архитектуры, и город их забрал себе под особый надзор за культурным наследием. Теперь институт за то, что ему когда-то принадлежало, платит аренду – и не малую.

Это лишь одна из многочисленных сложностей, с которыми институту приходится справляться. МАрХИ очень не просто выживать, и вуз постоянно лавирует в потоке реформ, проверок, государственных инициатив, кризиса и других неприятностей. Предложения по поводу присоединения в МАрХИ поступали несколько раз, но до сих пор удавалось отбиться. Очень нам помогает изданный в марте 2009 г. президентом РФ Указ, который, прежде всего, закрепил за институтом статус «вуза, внесшего значительный вклад в развитие отечественной культуры».

МАрХИ – небольшой вуз, и в нынешних условиях это усугубляет его положение. Возможно, с экономической точки зрения объединение с крупным университетом или переезд в новые светлые корпуса на окраине и решило бы некоторые проблемы, но сам институт при этом исчезнет. Будет уже что-то другое – чужое.

Кроме того, и это главное – МАрХИ уже несколько десятилетий является головной школой в сообществе 53 архитектурных школ России. Здесь разрабатываются образовательные стандарты всех поколений. Здесь проходили стажировки и защищали диссертации те, кто впоследствии возглавил кафедры, факультеты и институты по всей России и не только.

Здесь получили образование начальники и большинство архитекторов, управляющие архитектурным комплексом Москвы. Здесь сегодня сосредоточились остатки лучших преподавательских кадров, которым мы обязаны базовыми архитектурными методиками.

Такое положение вуза ко многому обязывает – и, прежде всего, к сохранению статуса самостоятельности. Поэтому руководство и весь коллектив МАрХИ намерен держаться до последнего, но даже проголосовали за это на общем собрании. Какие сюрпризы нам преподнесет будущее, мы не знаем, но позицию свою определили твердо.

- Каковы ресурсы и реальные возможности противостояния надвигающимся прогрессивным изменениям?

М.Ш. Это, пожалуй, самый сложный вопрос. Зачем преждевременно раскрывать свои ресурсы и возможности? Их и много, и мало. Мы же ничего не знаем о возможных масштабах «прогрессивных изменений». Но одно важно отметить уже сегодня. То, что происходит с архитектурным образованием, с архитектурными школами, и с МАрХи в том числе, – это не внутреннее дело вузов, это касается всей сферы российской архитектуры. Сегодня архитектурное образование и наука остаются в лучшем случае уделом энтузиастов и альтруистов, готовых заниматься своим делом в любых условиях и за любые деньги. Такая профессия, как профессиональный педагог высшей школы исчезает, поскольку последние 15 лет молодые не хотят связывать себя с нищей профессией учителя. На воспитание профессора необходимо 20 лет непрерывного преподавательского опыта, 15 из которых мы уже потеряли. Практически во всех вузах кафедры сильно состарились – дорабатывают старики. Большинство профессоров перестроенного поколения не имеют ни ученых званий, ни степеней, поскольку государство не стимулировало стремление к научным достижениям. Снижение качества профессионального образования уже ощутимо. А главное, некому заниматься реформами архитектурного образования. Нет тех поколений преподавателей, которые были бы способны и заинтересованы в создании новой системы для себя на будущее, а старикам это уже не нужно. Во время регулярных семинаров представителей архитектурных школ России и на ежегодных съездах дипломных проектов собирается небольшая группа одних и тех же энтузиастов. Мы все знаем друг друга в лицо и все жалуемся на отсутствие молодых квалифицированных кадров в собственных вузах. Исходя из сегодняшнего положения, трудно ожидать в ближайшем будущем каких-либо изменений к лучшему. Прерывается преемственность национального профессионального образования. Уже внедряется новая система Бакалавриат-Магистратура, во-

дится новый государственный стандарт 3-го поколения, построенный по американской модели. Никто не спорит с тем, что это прогрессивно, современно. Только непонятно, кто все это будет внедрять, за счет каких ресурсов. Ожидается, что в ближайшее время в архитектурном образовании произойдет «оранжевая» революция, и учить мы начнем по европейским программам и учебникам, поскольку свои писать некому, некогда и «не за что», а зарубежные уже готовы и универсальны. Это тенденция. В Стокгольмском университете вся магистратура (и для шведов тоже) только на английском языке, а преподаватели в большинстве своем – временно приглашенные со всей Европы. Логично, если и мы, согласно Болонской конвенции, устремимся к унифицированному образованию, учить должны будем на английском языке, решая задачи общеевропейского образовательного уровня подготовки специалистов. Откуда только возьмется эти умные, квалифицированные, знающие иностранные языки молодые профессора в русских вузах? Видимо, пришло время более активно вмешаться в судьбу архитектурной подготовки не только Минобразования с его глобальными идеями интеграции в общеевропейскую образовательную систему, но и непосредственно архитектурному сообществу. И в Америке, и в Европе, и в Японии именно работодатель посредством фондов, ассоциаций, сообществ, союзов работодателей определяет судьбу национального профессионального образования. Обидно, что российские профессиональные союзы и ассоциации в этом отношении вялы и безынициативны. Союзы архитекторов-практиков увлечены собой, новыми формами лицензирования профессиональной деятельности, саморегулируемыми организациями, формами распределения государственных и частных заказов, противостоянием иностранной конкуренции на российском рынке и мало обеспокоены проблемами источника пополнения своих рядов. Вопрос выживания профессионального архитектурного образования и архитектурной науки сегодня напрямую связывается прежде всего с волей и желанием самого профессионального сообщества.

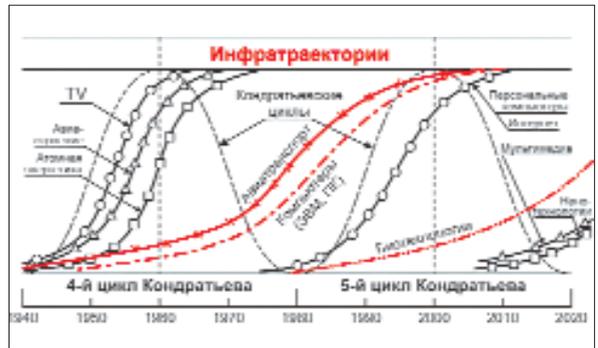

Схема развития технологических укладов Кондратьева – с 4-го по 6-й (по А.Акаеву).

В основе 6-го ТУ лежат биотехнологии, нанотехнологии, робототехника и мехатроника, новая медицина и новое природопользование, развитие и использование возможностей личности и коллектива на новом уровне.

**ШЕСТОЙ
КОНДРАТЬЕВСКИЙ ЦИКЛ:
ВЕРОЯТНЫЕ ОГРАНИЧИТЕЛИ
С круглого стола
в Институте философии РАН**

8 октября в ИФ РАН состоялся круглый стол под руководством академика-секретаря Академии В.С.Степина, посвященный проблемам и перспективам развития нанотехнологий. На нем с развернутым докладом выступил профессор Г.Г.Малинецкий и действующий госсоветник РФ 1 класса В.А.Рубанов. Главный редактор «АВ» Д.Е.Фесенко подготовил краткое сообщение, в котором обозначил ряд возможных препятствий, стоящих на пути становления нового нанотехнологического уклада, а также кратко обрисовал нынешнее состояние нанотехнологических разработок в области строительных материалов (см: АВ, 2009, №2). Приводим тезисы первой части его выступления.

Существует точка зрения относительно возможных проблем объективного характера, стоящих на пути становления нового, нанобиотехнологического ТУ. Обозначим основные:
1) социально-экономические, сводящиеся к проблематичности возврата средств, вложенных в развитие предыдущего, информационно-коммуника-

ционного ТУ. Иначе говоря, «не на что» запускать новую волну;
2) геополитические, суть которых в исчерпанности геостратегических ресурсов, новых рынков, площадок для экспансии капитала, что является необходимым условием для развития нарождающегося ТУ. Выяснилось, что мир слишком тесен;
3) макроисторические, заключающиеся в вероятном скором выходе человечества в пространство постистории (С.Капица, Г.Малинецкий), приближении к точке сингулярности, за пределами которой может действовать иная историческая ритмика, иные регулярности и механизмы развития, в частности, «пост-кондратьевские» или вовсе «не-кондратьевские». Депрессивная фаза пятого и зарождающегося шестого кондратьевского цикла в акkurat попадают в эту «зону перезагрузки» всемирной истории. О близости тектонического слома свидетельствуют, в том числе, результаты исследований в рамках теории архитектурного процесса – нового направления историко-архитектурной науки: в частности, выявленная на материале архитектурной истории XVII–XXI вв. трехцикловая историческая последовательность, сходящаяся в середине второй половине 2010-х гг. Среди сторонников того, что шестой ТУ может захлебнуться, не начавшись, в силу вышеуказанных обстоятельств – известные экономисты: М.Хазин, О.Григорьев и др. Имеются ли контраргументы?..

АРХИТЕКТУРНАЯ НАУКА ОТКРЫТА ДЛЯ ВСЕХ С четвертого Фестиваля науки

Традиция проведения Фестивалей науки была заложена в Великобритании в начале XIX века. Сегодня фестивали проводятся во многих странах мира, создавая позитивные ориентиры в жизни молодежи, давая возможность увидеть пути реализации интеллектуальных и творческих способностей. По словам ректора МГУ В.А. Садовниченко, Председателя Оргкомитета Фестиваля науки, последние служат «просвещению общества, позволяют открыть двери исследовательских лабораторий для самой широкой аудитории, помогая ей получить представление о достижениях и возможностях науки».

В октябре 2009 года Правительство г. Москвы совместно с Московским государственным Университетом им М.В. Ломоносова, при поддержке более чем ста научных и учебных организаций в четвертый раз провели Фестиваль науки. Три дня работали в открытом режиме две выставочные площадки - в здании фундаментальной библиотеки МГУ и на центральной выставочной площадке г. Москвы, в Экспоцентре, где были представлены 38 ву-

зов, 8 государственных научных центров и академических институтов, почти 40 исследовательских организаций девяти префектур столицы и другие организации. Помимо участия в общей программе, каждая из организаций-участников подготовила двухдневные программы на своих площадках, включавшие выставки, интерактивные конкурсы, Олимпиады, экскурсии и др. Впервые ознакомиться с достижениями науки в архитектурном образовании москвичи могли в октябре 2008 года, на третьем Фестивале науки. Тогда основной акцент был сделан на организацию работы с будущими абитуриентами, поскольку именно подростки, по данным социологических исследований, должны были стать основными посетителями.

Особенностью программы четвертого московского Фестиваля науки в МАРХИ стало уточнение адресной направленности. В первую очередь, программа предусматривала активное привлечение студентов в качестве основных участников. 10 октября в МАРХИ в Зале заседаний Ученого Совета состоялась студенческая научная конференция. С приветственным словом к участникам конференции, а их было более 50, обратился проректор по научной работе МАРХИ академик Г.В. Есаулов и

председатель фонда Шухова, правнук великого инженера В.Ф. Шухов. На конференции были заслушаны семь докладов, сопровождавшихся видеопрезентациями и рекомендованные для публикации в специальном выпуске электронного международного научного журнала АМИТ.

Другим событием, которое проводилось впервые в истории московского архитектурного образования, стала межвузовская Олимпиада по живописи для студентов архитектурных факультетов. Пять архитектурных школ приняли приглашение Оргкомитета МАРХИ и представили свои команды. В состав жюри вошли преподаватели всех вузов-участников, из сорока живописных работ были выбраны семь лучших.

В эти же дни посетители стенда МАРХИ в Экспоцентре смогли увидеть лучшие дипломные работы 2008-2009 учебного года, выставку кафедры Дизайна архитектурной среды «Стул и дом», видеофильм «Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ», выставку дружеских шаржей «Ректоры московских вузов», принять участие в интерактивных мастер-классах по макетированию и архитектурной графике. Стенд посетили руководители департамента науки г. Моск-

вы и председатель Оргкомитета Фестиваля науки проректор МГУ академик А.П. Хохлов.

11 октября на стенде МАРХИ стартовал конкурс художественных работ «Московская мозаика». Впервые конкурс для молодежи проводился под патронажем Архитектурного института на центральной выставочной площадке города. Его идея заключалась в том, чтобы привлечь внимание москвичей к проблеме сохранения среды исторического города, попробовать свои силы и найти новые художественные решения в мозаичных панно, которые могли бы быть использованы в оформлении фасадов и интерьеров зданий или при создании малых форм. Работы опубликованы на сайте подготовительных курсов МАРХИ. Все три дня во время проведения Фестиваля в Белом зале МАРХИ был организован ряд выставок, в том числе - архитектора В. Локтева, работ победителей студенческих конкурсов кафедры «Скульптура» и Основ архитектурного проектирования, конкурса для будущих абитуриентов МАРХИ «Хрустальные шахматы».

Ирина Топчий,
Руководитель рабочей группы
Фестиваля науки 2009

С XII БИЕННАЛЕ В БУЭНОС-АЙРЕСЕ Интервью с куратором российской выставки Ярославом Усовым

В начале октября в Буэнос-Айресе в культурном центре Реколета состоялась XII Биеннале архитектуры, на которой были представлены экспозиции разных стран, работы победителей международных и региональных конкурсов, отдельных бюро и мировых архитектурных звезд. Начиная с 1987 г. биеннале традиционно проводится в аргентинской столице, являясь одним из главных архитектурных событий южноамериканского континента. Помимо латиноамериканских стран участие в нем принимают крупнейшие мировые державы – Франция, Италия, Испания, Индия, Канада, Австрия, Германия, США и др. В рамках лекционной программы в этом году с докладами выступили более 50 лекторов, в том числе президент Союза архитекторов России А. В. Боков.

Впервые в экспозиции была широко представлена российская архитектура. Два года назад новую страницу взаимоотношений между российской и аргентинскими архитектурными шко-

лами открыл президент РААСН А. П. Кудрявцев. В тот же год я совершил свой первый визит в столицу Аргентины, где обсуждал возможность представления российской выставки в Буэнос-Айресе – в рамках как нынешней, так и последующих биеннале. Прошло немного времени, и мы снова в стране гаучо, но на этот раз с двумя выставками – «Современная Архитектура России» и персональная выставка А. В. Бокова. Экспозиция под названием «Современная архитектура России» включала проекты и постройки последних лет. Я хотел, как можно шире, представить российскую архитектуру. География построек протянулась от Хабаровска до Санкт-Петербурга. По большей части это победители крупнейших архитектурных смотров и конкурсов, таких как «Зодчество», «Золотое сечение», «Рука Мастера», «Дом года» и др., отобранные в ходе подготовки к биеннале совместно с региональными объединениями Союза архитекторов. Открытие экспозиции проходило в присутствии временного поверенного в делах России в Аргентине И. В. Романченко, представителей посольства и прессы. Собралось много наших бывших соотечественников, которые

заранее были оповещены о предстоящем мероприятии. Фактически получился целый русский зал, где были представлены современная архитектура России и персональная выставка А. В. Бокова. Среди зарубежных экспозиций наша стала, пожалуй, самой масштабной. Все работы размещались на вертикальных постерах, различающихся по цвету и габаритам и выстраивались в единую полихромную композицию, где каждый цвет ассоциируется с тем или иным регионом. Этим многообразием красок и форм я попытался передать многообразие нашей многонациональной страны. К российской выставке был проявлен безусловный интерес. Тот факт, что привезенные мной 15 кг печатной продукции были полностью разобраны, говорит сам за себя. И тот факт, что экспозиция «Современная архитектура России» была отмечена организаторами, как лучшая корпоративная экспозиция – тому подтверждение. Кроме того, я мог наблюдать за реакцией зрителей в зале во время лекции А. В. Бокова – задавалось множество вопросов, люди проявляли искренний интерес. Работы, представленные в персональной экспозиции А. В. Бокова – в основном это

спортивные объекты и крупные комплексы – также привлекли внимание посетителей выставки. Нам в свою очередь также было любопытно прикоснуться к архитектуре латиноамериканского континента, с которой в России, к сожалению, знакомы мало. В частности, мы познакомились с проектами развития районов Буэнос-Айреса, к примеру, Порто Мадеро – одного из немногих мест, где ведется высотное строительство, а также историческими павильонами, посвященными аргентинскому модернизму, архитектуре 1920-х – 1930-х гг., например, в том числе домом Ле Корбюзье, построенным в 40 км от аргентинской столицы в городе Ла Плата. Остается добавить, что обе привезенные нами выставки, были приняты сотрудниками Российского посольства для дальнейшей экспозиции в странах латинской Америки. Биеннале служит объединению архитекторов всех континентов, являясь площадкой для диалога различных архитектурных школ. Не могу сказать, что мы открыли Америку, но она стала чуть ближе к нам.

Материал подготовила
Алла Павлюкова

Школа на 1-й ул. Машиностроения.
Архит. А.Люрса.
Фото О.Панина.

Типография журнала «Огонек» в 1-м Самотечном пер.
Архит. Л.Лисицкий.
Фото Е.Овсянниковой.

Институт инвалидов на ул. Острякова.
Архит. М.Гинзбург.
Фото Е.Овсянниковой.

«МОСКОНСТРУКТ»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Событиям, происходящим в рамках проекта «Москонструкт», АВ предоставлял свои страницы регулярно (см. «Телетайп» в №№ 2, 4, 6 за 2008 и №№ 1, 3, 4 за 2009 гг.). Настала пора подвести некоторые итоги, поскольку с формальной точки зрения двадцатимесячный срок, отведённый на реализацию проекта, завершился в октябре уходящего года.

Проект «Москонструкт» - одно из направлений совместной российско-итальянской деятельности, а более конкретно - Московского архитектурного института (Государственная академия) и Университета La Sapienza в Риме. В принципе такое сотрудничество представляет собой обмен делегациями (студентов, аспирантов, преподавателей), участие в совместных проектных разработках (итальянцы работают на нашей территории, используя подоснову какого-то из российских городов - и наоборот), проведение совместных выставок, конференций, экскурсий и т.д. Зная об интересе, который архитектурная Европа проявляет в отношении русского конструктивизма, решено было придать проекту соответствующую конструктивистско-функционалистско-авангардную окраску, что, собственно, отразилось и в названии мероприятия.

Ни для кого не является откровением то, что в Италии и других европейских странах памятники эпохи авангарда (или, как часто называют в Ев-

ропе этот период - «межвоенного двадцатилетия») выявлены, систематизированы и изучены значительно лучше, чем в СССР/России. При этом возникает удивительная ситуация: российские историки архитектуры зачастую владеют куда более обширной информацией о европейском авангарде, чем о нашем собственном.

Другим парадоксом является тот факт, что итоги нечастых конференций и симпозиумов, посвящённых советской архитектуре 1920-х - начала 1930-х гг. и инициируемых зарубежными коллегами, зачастую превосходят результаты многолетней деятельности отечественных организаций, которые, казалось бы, должны заниматься этими вопросами по долгу службы. А поскольку «Москонструкт» представлял собой выстроенную систему совместных мероприятий подобного рода, постольку позитивные сдвиги в изучении российской архитектурного наследия, произошедшие за последние полтора года, трудно переоценить.

Так, на проведённых «Москонструктом» экскурсиях только в Москве было выявлено около 200 объектов, относящихся к эпохе авангарда. Более 100 таких объектов зафиксировано в городах ближнего Подмосковья (Королёв, Мытищи, Щёлково, Ивантеевка, Люберцы, Дзержинский и др.). Ещё не изгладилось из памяти, какую поистине оглушительную сенсацию вызвала недавняя находка московских и тверских специалистов - обретение допотопе неизванного реализованного проекта Ивана Леонидова, частично сохранившегося в Твери. Оказалось, что и в Москве в наши дни могут иметь место подлинные откры-

тия: чего стоят, например, малоизвестные или полностью забытые постройки Эль Лисицкого (выявлена одна из немногих, а возможно - даже единственная дошедшая до наших дней архитектурная реализация его авторства), Моисея Гинзбурга, Андре Люрса. Если же присовокупить к этому перечню полностью забытые объекты Леонида Веснина, Аркадия Лангмана, Лазаря Чериковера, Михаила Барща и других мастеров авангарда, то станет понятной актуальность и исключительная своевременность явления проекта под названием «Москонструкт» на московскую землю.

После того, как прозвучали слова «сенсация», «неизвестный проект», «открытие», «забытый объект» и т.д., читатель вправе задать вопросы: так ли это на самом деле? Неужели ни в одном из известных перечней памятников архитектуры не фигурируют столь значимые постройки? Разве может быть такое, что о них никто ничего не знал? Не может же быть, чтобы о них вовсе не было публикаций?

Если отвечать на эти гипотетические вопросы по пунктам, можно утверждать следующее: в перечне памятников многие из них не фигурируют, поскольку до сих пор собственно памятниками официально не являются. О некоторых из них (не обо всех) знали и знают, но эта информация ведомо отдельным профессионалам в области истории архитектуры и небольшой группе энтузиастов-москвоведов. Правда состоит также и в том, что в организациях, занимающихся вопросами охраны памятников, есть перечни объектов авангарда, представляющие архитектурную ценность и предлагаемые для постановки на ох-

рану. Но, во-первых, в этих документах перечислены далеко не все объекты, ценные в архитектурном отношении. Во-вторых, печальная практика показывает, что от предложения по постановке на охрану до собственно постановки - «дистанция огромного размера», которая, в случае внезапного исчезновения объекта, грозит обернуться бесконечностью. И, наконец, в-третьих, существует значительная разница в понятиях «опубликовано» и «напечатано», хотя они на первый взгляд и являются идентичными по смыслу. Этимологическое значение слова «публикация» подразумевает «обнародование», т.е. широкое распространение информации с помощью печати или каких-то иных средств. В таком случае, разве можно назвать «публикациями» отдельные печатные документы с грифом «для служебного пользования», десятилетиями кочующие из одного ведомства в другое? Зарубежные специалисты (в данном случае итальянские) снова оказали нам неоценимую методическую помощь, в который уже раз заострив внимание на архитектурном наследии советского авангарда. Проект «Москонструкт» позволил сделать существенный шаг по направлению к систематизации реализованных построек эпохи русского конструктивизма. Дальнейшие действия, имеющие целью сохранение объектов архитектурного направления, являющегося бесспорным российским брендом, находятся исключительно в нашей компетенции, и здесь иностранцы уже не в состоянии чем-то нам помочь.

БОГОТА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

В Музее архитектуры прошла выставка «Богота: Возрождение города», организованная при участии посольства Республики Колумбия в России. На выставке были показаны натурные фотоснимки современных объектов колумбийской столицы, выполненных по проектам архитекторов Р.Сальмона, Ф.М.Санабриа, Г.Бермудеса и др. Подобные выставки полезны хотя бы потому, что они способны существенно изменить стереотипное мышление большинства россиян, чьи знания о латиноамериканской архитектуре ограничиваются Бразилией и Аргентиной. Между тем, Колумбия и, в частности, Богота примечательны не только своей архитектурой, но и практикой городского планирования и управления, следующей распространенному в испано-португальской среде методу городской акупунктуры.

ПАМЯТИ АРХИТЕКТОРА П.Б. ОРЛОВА

Ушёл из жизни Пётр Борисович Орлов – один из ярких представителей отечественной архитектурной науки. На протяжении многих лет он возглавлял блок исследований ЦНИИЭП жилища, связанных с приведением количества и специфики морфотипов жилища к соответствию с реальной социально-демографической ситуацией. Многие из предложений Орлова, сделанных во времена «развитого застоя», были столь же бесспорными в профессиональном аспекте, сколь несвоевременными с политико-идеологической точки зрения. Нет сомнений в том, что исследования П.Б.Орлова получат новый импульс в архитектурной науке и практике начала XXI века.

«УДУТСННАЯ АРХИТЕКТУРА» – ОТ СМЫСЛА К ФОРМЕ

В Москве в ноябре в течение почти четырёх недель проходил Фестиваль современной архитектуры Нидерландов. Помимо одноименной выставки, развёрнутой в помещениях Центра современного искусства Винзавод (куратор – директор Ц.Са И.Коробина), там же, в Сыроматниках, в центре дизайна Artplay на Яузе, демонстрировались работы молодых голландских архитекторов под общим названием «Последовательная архитектура» (куратор – директор NAI О.Боуман). В программе Фестиваля также - лекции современных нидерландских архитекторов и демонстрация фильма «Голландские Берега». В задачу устроителей Фестиваля входило предьявление ключевой особенности современной архитектуры Нидерландов, которая звучит как «рациональность на уровне действий, и новаторство на уровне идей», следствием чего оказывается ее программная ориентированность на решение проблем – социальных, урбанистических, экологических. Такой антиформализм поразительным образом ведет отнюдь не к обеднению архитектурной формы, но к ее наполненности смыслом, социокультурным содержанием. Формотворчество является функцией смыслопорождения - осознание справедливости этой формулы служит предпосылкой искомого подключения к передовому архитектурному опыту Нидерландов.

GST – ГОД СО ДНЯ ОТКРЫТИЯ

1 октября исполнился год со дня открытия Галереи архитектора Сергея Туманина в Нижнем Новгороде, позиционирующей себя как культурно-деловой центр архитектурно-строительной индустрии Поволжья. К этой дате был приурочен мастер-класс вице-президента СМА Дмитрия Александрова под названием «Воспоминания о невостребованном». За минувший год Галереей организован ряд выставок, круглых столов и мастер-классов ведущих российских архитекторов, среди которых – Н.Лызов, С.Чобан, Ю.Григорян, В.Плоткин, Е.Асс, С.Киселев, Е.Герасимов, А.Козырь, Т.Кузембаев. В кризисное время Галерея не сбавляет обороты – уже достигнута договоренность с С.Скуратовым, Н.Явейном и М.Рейнбергом, мастер-классы которых состоятся в ближайшее время.

«ФЕДОР ШЕХТЕЛЬ И ЭПОХА МОДЕРНА»

Под таким названием в октябре в МАРХИ прошла Международная научная конференция, организованная РААСН, РАХ, МАРХИ, Комитетом по культурному наследию города Москвы и посвящённая 150-летию со дня рождения выдающегося русского архитектора Ф.О.Шехтеля. В конференции приняли участие более 100 специалистов из разных городов России, затронувших вопросы как творчества Шехтеля, так и архитектуры и искусства эпохи модерна в целом. В рамках конференции была организована выставка «Творчество Ф.О. Шехтеля в архивных документах» (из Главного архивного управления города Москвы); другая экспозиция представляла конкурсные работы студентов МАРХИ. Демонстрировался фильм «Пространство в архитектуре Федора Шехтеля».

Схема генерального плана.

Заколдованные Ворота

Очередной раз на заседании Архитектурного совета Москвы было вынесено предпроектное предложение по формированию так называемых Западных ворот столицы. Официально: «Градостроительная концепция размещения многофункциональных комплексов на пересечении Можайского шоссе и МКАД». Проектная организация ООО «АБД». Авторы: Б.В.Левянт, Б.Д.Стучебрюков, С.Т.Джабраилов, А.В.Феокистов, Д.М.Мельник, А.Б.Чернышев, И.Б.Левянт, Д.А.Хомякова.

В протоколе апрельского Архитектурного совета по поводу этой темы отмечалось, что «представленные материалы не отвечают созданию выразительного архитектурно-градостроительного ансамбля при въезде в Москву с одной из главных автомагистралей страны». И перечислялось, что нужно доработать, чтобы приблизиться к какому-то, пока никому неизвестному, но с нетерпением ожидаемому варианту, который сможет удовлетворить разные вкусы.

Что предложили авторы на этот раз? Площадь застройки, как известно, разделена Можайским шоссе на два участка. На одном запроектированы три 8-этажных здания, объединенные стилобатной частью и расходящиеся веером от МКАД, а также 2-этажное здание ресторана, ориентированное вдоль Можайского шоссе. Все три здания, за исключением нижних этажей, где разместятся магазины и предприятия бытового обслуживания, станут офисами. Руководитель авторского коллектива Б.В.Левянт считает, что, несмотря на кризис, года через два-три в Москве снова обозначится дефицит офисных площадей. На другой стороне Можайского шоссе предполагается разместить 20-этажное

многофункциональное здание, в котором 13 этажей запроектировано под 3-звездную гостиницу.

«На данной территории большое количество зелени. Но размещение такого комплекса: и офисов, и гостиницы, здесь вполне допустимо, - заявила референт **Л.В.Машинская**. - Необходимо, однако, предусмотреть максимальное сохранение зеленых насаждений. Вдоль МКАД сейчас в красных линиях идет техническая зона, поэтому здесь требуется корректировка транспортной сети и технической зоны. И ещё - у нас нет градостроительной документации на эту территорию, поэтому надо дать возможность заказчику её разработать и уточнить ряд параметров, в том числе и высотность».

«Наличие предлагаемых объектов в этой зоне, по-моему, уместно, во-первых, потому что они дают рабочие места людям, которые здесь живут, - привел весьма гуманный в условиях кризиса аргумент референт **И.Г.Лежава**. - Эти здания являются также очень сильными антишумовыми барьерами. А с точки зрения архитектуры, нам кажется, они дают возможность современное звучание этому месту. Авторами представлено много вариантов, но веерный - самый удачный».

Ген.директор НИИПИ Генплана **С.Б.Ткаченко** заявил: «Это красивый, на мой взгляд, проект, даже обсуждать не буду. Здания мне нравятся сами по себе. Возможный недостаток инсоляции, о котором упоминалось, меня совершенно не беспокоит. Может уже есть смысл поменять наши нормы инсоляции. Меня больше беспокоит то, что такая продуманная во многих вариантах архитектура очень сложно садится на этот участок. Сложности с транспортной схемой.

Перспектива.

Заказчик: ЗАО «Центурион Парк», ООО «Центурион-Таурэр». Архитектурная мастерская: ООО АБД.

К нам она, кстати, не попадала... И по отношению к актуализированному Генплану есть превышение показателей». «Раз уж наше руководство поставило третий раз на Совет эту тему, значит тут что-то не так, и от нас требуются какие-то серьезные рассуждения по этому поводу, - заявил ген.директор АО «Моспроект» **С.В.Миндрул**. - Думаю, прежде всего, это связано с месторасположением этого объекта: въезд в город, важная магистраль и т.д. Каково же качество представленного проекта и на что нужно обратить особое внимание авторскому коллективу?»

Первое - транспорт. Это место, начиная от Одинцово до Рябиновой, практически 24 часа в сутки - сплошная пробка. Это пробочное состояние связано с огромным количеством перекрестков и светофоров, начиная с поворота на Минку. Главмосблрхитектура превратила этот узел в страшное место. Более страшного места в Подмосковье нет! Одинцово, конечно, пользуется сверхпривилегированным положением, поэтому здесь навотролили такое, что страшно смотреть. Эти «чудесные» заборы - не только не создают столичный вид, там просто цивилизованного вида нет! Какое-то мелкотравчатое одноэтажное кавказское состояние - такое можно видеть где-нибудь в районе Дербента. И совершенно бездарные плакаты советского периода, прославляющие военачальников на въезде с этими безумно пошлыми арками «Старая Смоленская дорога». Более гадкого места в Подмосковье я не видел! И вот мы начинаем нагружать эту страшную магистраль еще больше! Говорить о том, что будет делаться какой-то объезд - главная дорога пойдет мимо Одинцова - преждевременно. Ещё не-

известно, будет она или нет. То есть с точки зрения транспорта - то, что нам здесь представлено, поправить в рабочем порядке, наверное, можно, но дополнительная нагрузка на эту очень тяжелую магистраль значительно ухудшит существующее положение.

И главный вопрос - что представляет собой этот объект с точки зрения въезда в город.

Думаю, он не является достойным городом, в котором мы живём. Не является единой цельной и архитектурно интересной градостроительной композицией. Получились разные вещи, и каждая сама по себе.

Что можно сделать для того, чтобы всё это работало как единая композиция? Можно было бы увеличить высоту этих трех зданий в сторону Можайского шоссе. Если бы этот веер стал разноэтажным, то вместе с дальней перспективой можно было бы каким-то образом сработать на общую композицию. По архитектуре это вещи абсолютно разные. Достаточно острые современные формы прямоугольников, к сожалению, на сегодняшний день уже становятся типовыми. Такая вот архитектура - «временный фестиваль 57-го года с пестренькой рубашечкой» - сейчас снова стала модной и уже безавторской. Так делают и в Гвинею, и в Милане, и в Москве.

А в целом, все эти детали не работают в одном контексте.

«Максимальное сохранение зеленых насаждений» - это фантазия для отпихи. Когда начнут строить, от этой зелени здесь ничего не останется. Потом какие-то деревья будут посажены заново. Но главное - нужно все-таки создать ансамбль. Сегодня этого, к сожалению, не получилось».

Вид с Можайского шоссе.
Компьютерный рендер.

«Сомнение вызывает решение транспортного узла, - отметил **А.С.Цивьян**. – Что касается облика всего комплекса и объемно-пространственной композиции, то я полностью согласен с тем, что совершенно очевидно – надо добиваться единства этих трех объемов и башни, стоящей на противоположной стороне Можайского шоссе и по формообразованию, и по характеру фасадов. Недаром авторам больше нравятся стеклянный, более нейтральный фасад. Я поддержал бы подъем по высоте веера зданий к башне-гостинице. Не обязательно пропилили делать, но это может дать активный образ не из трех плюс одно, а из четырёх.

При всем при том, что раз от раза проект становится лучше, транспортные проблемы те же».

«Это странное зыбкое состояние, в котором мы пребываем, трагично, - заявил президент САР **А.В.Боков**. – Я очень надеюсь, что мы наконец будем иметь на каждом участке, тем более таком знакомом, принципиально важным, как этот, исчерпывающую информацию о всех возможных действиях. И пока мы не будем этого иметь, все наши рассуждения, проекты и решения будут лишены досточных оснований.

Тем не менее, это профессиональная, грамотная работа. И, думаю, у нас нет оснований препятствовать появлению такого рода комплекса. Из замечаний, которые у меня могут возникнуть, назову одно – это отсутствие внятных пешеходных связей. Препятствовать жителям прийти в ближний магазин или к объекту бытового обслуживания – это чистое злодейство. Ну и, конечно же, подземный переход под Можайским шоссе должен войти в единую систему пеше-

ходных связей. Это просто уважение к людям – благоустроенное, качественное пешеходное пространство.

Транспортная схема вызывает некоторое недоверие. Но это не трагедия. Над ней нужно ещё потрудиться. Других претензий, мне кажется, у нас не должно быть». «Важен градостроительный акцент! – донесся из зала эмоциональный возглас. – Целостность! Объясните мне, авторы, где ваша гранд-идея?! И убедите, что она прекрасна! Если мы честно относимся к своей профессии и уважаем друг друга, то это неудача. Это такая организация пространства, которая убивает человека!»

«По поводу того, что ансамбль не получился, хочу сказать, что здесь, по-моему, разговор идет о разных градостроительных подходах. О разных движениях в самом градостроительстве, - сказал президент РААСН и МАРХИ, председатель ЭКОС

А.П.Кудрявцев. – Для формирования ансамбля должна быть изначально дружная композиция. Может, по архитектуре эти здания должны скорее ориентироваться на архитектуру 70-х годов, которая существует рядом. Тогда мы, действительно, получим ансамбль достаточно современный, но ориентирующийся на эстетические идеалы и образцы 70-х годов, что возможно. Здесь, мне кажется, ориентация на современные композиционные приёмы. Вот это правое крыло оно легче и не имеет того насильственного пафоса, который присущ градостроительному ансамблю 70-х годов.

Не думаю, что надо отбрасывать этот вариант. Но есть смысл сделать два варианта и вынести их на Общественный совет, и обязательно с точки зрения

Архитектурного совета. Не отдавать председателю Общественного совета на его собственное решение выбор из этих двух принципиально разных подходов. Ансамблевый подход, этакая, грубо говоря, триумфальная арка более понятен для людей, принимающих решение.

Считаю, что форма сейчас, в общем, найдена, и повышение силуэта к главному радиусу придаст динамику этому комплексу, но по архитектуре, я бы предложил все это связать с тем фоном 70-х годов, который настойчиво выглядывает из-за этой новой архитектуры. Наверное нужно продолжить работу и выйти на Общественный совет с вариантами, среди которых должен быть обозначен один, предпочтённый Архитектурным советом».

«Идея триумфальной арки достаточно сомнительна, - отозвался главный художник города **И.Н.Воскресенский**. – Бранденбургские ворота в центре Берлина. Триумфальная арка в Париже – тоже в середине города. Но мы сейчас повторяем то, за что критикуем область. Сажаем вдоль этой магистрали огромный комплекс, который порождает пробки, и обсуждаем следствие, а не причину. Думаю, работу надо продолжить, но все-таки дать оценку природной составляющей».

«Согласен с тем, что авторская группа движется в более правильное направление, чем прежде, - веско резюмировал первый заместитель главного архитектора города, ген.директор МНИИТЭП **Ю.П.Григорьев**. – Поддерживаю мнение, что каждый раз мы наступаем на одни и те же грабли с точки зрения градостроительной подготовки, обоснований размещения того или иного объекта. Тем более на таких ответственных местах.

Мы прекрасно понимаем, что группа Левянта очень сильная, но они объемщики. Хорошие объемщики. И им в помощь институт Генплана должен был предложить все данные, на базе которых они могли бы спокойно искать варианты архитектурного облика. Действительно, здесь страшная перегрузка транспорта. Въезжая с Минского шоссе, вы будете видеть не три, а одно здание без всякого силуэта, потому что они накладываются друг на друга и слипаются. Принимая за основу это решение, я бы предложил сделать чуть больше разрывы между зданиями. Не обязательно они должны быть такой протяженности. Полностью согласен с тем, что здесь вполне можно приподнять этажность. Не знаю, надо ли делать этот модный скос башни, такие сейчас везде появились. Как танки наступают на Москву. И ещё одна мода – это «вингерет» на фасадах. Тоже стало уже стереотипом. Почему мы, архитекторы, должны обязательно следовать каким-то стереотипам, естественно, сринованным из зарубежных журналов!? Продолжить работу с учетом всех рекомендаций и замечаний, и предложить такие варианты, чтобы нас снова не выгнали с Общественного совета. Пока вы, товарищи, не сумели справиться с этой задачей».

В общем, как отмечалось, «от Совета к Совету проект движется к лучшему представлению о том, каким должен быть въезд в город». Но место какое-то заколдованное, и настолько испорчено привилегированностью Одинцова, что уже и не въезд, а настоящий камень преткновения.

Подготовил Борис Киселев